

КАВКАЗЪ.

ГАЗЕТА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЬ

два раза въ недѣлю: по Средамъ и Субботамъ. Подписка принимается: Въ Тифлисѣ: въ редакціи газеты и въ Губернской Почтовой Конторѣ. Въ С. Петербургѣ: въ Газетной Экспедиціи С. Петер. Почтамта и, у книгопродавцевъ: Крашенинникова и Юнгмейстера. Въ Москвѣ: въ Газетной Экспедиціи Московскаго Почтамта и въ книжн. магазинѣ Готье.

СЛОВА ПОДПИСКИ:

Годовое изданіе съ пересылкою . . . 8 р. с.
Полугодовое . . . 5 » »
Для Тифлисскихъ жителей, на три мѣсяца 3 » »

ОБЪЯВЛЕНІЯ
Газета печатаетъ съ платою за каждую букву по 1/4 копейки серебромъ со всѣхъ объявленій, безъ всякаго исключенія.

СОДЕРЖАНІЕ: Высочайшіе Приказы.—Москва.—Тифлисъ.—Учрежденіе Маринской монашеской пустыни въ Землѣ Черноморскихъ казаковъ.—Быть Мехтулинскихъ и Аварскихъ Хановъ.—Объявленія.—Метеорологическія наблюденія.

КАЛЕНДАРЬ: 17-го Мая: Преполовеніе, С. Ап. Андроника, С. Іуліи, Стефана новаго.—18-го, М. Θεодота, С. семи дѣвъ: Александры и др. Память Св. Додо Гареджийскаго (Гр. ц.).—19-го, С. М. Патрикія, М. Казуфа, П. Іоанна Готѣ.

ВНУТРЕННІЯ СВѢДѢНІЯ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Высочайшимъ Приказомъ по Военному вѣдому. Апрель 21-го дня. Назначаются: По Арміи. Состоящіе по Арміи. Командиръ Грузинскаго Ливійнаго Баталіона № 17-го, Подполковникъ *Луковский*, Командиромъ Грузинскаго Ливійнаго Баталіона № 4-го,—съ оставленіемъ по Арміи. По Пѣхотѣ. Пѣхотныхъ полковъ: Дагестанскаго, Подполковникъ *Куницевъ*, Командиромъ Грузинскаго Ливійнаго Баталіона № 15-го. Самурскаго, Подполковникъ *Пригара*, Командиромъ Грузинскаго Ливійнаго Баталіона № 17-го,—оба съ зачисленіемъ по Арміи.

Москва. 18 Апрель. 14 числа, по особу утвержденному церемоніалу, происходило въ Чудовомъ Монастырѣ отпѣваніе тѣла Ея Высочества, въ Божѣ почившей Грузинской Царицы Маріи Георгіевны, ордена Св. Екатерины 1-й степени Кавалерственной Дамы, скончавшейся въ Москвѣ 30-го Марта на 83-мъ году жизни. Усопшая Царица Марія была супругою послѣдняго Грузинскаго Царя Георгія XIII.

На канунъ дня отпѣванія, 13-го Апрель, въ 7-часовъ пополудни, въ присутствіи Гг. Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора, Генераль-Адъютанта Графа А. А. Закревскаго, Предсѣдательствующаго въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Князя С. М. Голицына, Командира 6-го Пѣхотнаго Корпуса, Генерала отъ Инфантеріи М. И. Чоодаева, Церемониальной Коммисіи,

всѣхъ высшихъ сановниковъ и родственниковъ скончавшейся Царицы, была отправлена высшимъ Духовенствомъ панихида по усопшей. Въ самый же день отпѣванія, 14-го Апрель, въ 10 часовъ утра, въ домовою церкви Царицы, Синодальнымъ Членомъ, Высокопреосвященнымъ Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ, совершена литія, по окончаніи которой открылось печальное шествіе. Тѣло Ея Высочества, въ сопровожденіи Грузинскихъ Царевичей, Князей Грузинскихъ, родственниковъ и сановниковъ, вынесено съ подобающею торжественностью изъ домовою церкви, поставлено подъ балдахномъ на печальную колесницу, въ шесть лошадей, съ черными пононами и съ гербами Царицы, и привезено въ Чудовъ Монастырь для отпѣванія. По окончаніи отпѣванія тѣла покойной Царицы Маріи Георгіевны, за-

БЫТЬ

МЕХТУЛИНСКИХЪ И АВАРСКИХЪ ХАНОВЪ (*).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I. Джунгутай—резиденція Мехтулинскихъ Хановъ. Ссора Гассана съ Ибрагимомъ за Фатму.—II. Дворъ Али Султана, его судъ и расправа, и домашній обычай.—III. Вѣсть о походѣ въ Грузію Оммаръ-Хана. Желаніе Ханиши, Кистамамъ—Бики, женить своего сына, Султана-Ахмета, на дочери Аварскаго Хана.—IV. Той. Любовь Ибрагима.

I.

Быль часъ, когда борется свѣтъ съ тьмою, былъ часъ разсвѣта.

Звѣзды меркли. Туманъ отдергивалъ съ горъ Дагестана свою пелену и отдѣльными клубами стлался по скаламъ, по оврагамъ. Кустарники, трава, цвѣты, — увлажненные ночью обильною росой, дышали ароматомъ; въ воздухѣ свѣжемъ, чистомъ стали рѣять насѣкомыя, носимыя утреннимъ вѣтеркомъ, то стихавшимъ, то шевелившимъ вершины деревьевъ.

(* Предлагаемая статья принадлежитъ одному туземцу—Мусульманину. Авторъ пишетъ о предметѣ ему совершенно извѣстномъ и пишетъ со всѣми замѣчательными подробностями. Цѣль его изобразить жизнь, обычаи и управленіе бывшихъ владѣтелей Дагестанскихъ, до покоренія Дагестана Русскими, когда во всей силѣ существовало такъ называемое правленіе *Карабѣркъ*. На сцену выведено много замѣчательныхъ, историческихъ лицъ того времени, всѣ они дѣйствуютъ, говорятъ совершенно сообразно съ понятіями своего времени и своей родины. Подробности о ихъ частной жизни и разсказъ объ общественныхъ дѣлахъ—авторъ оживилъ эпизодами изъ быта частныхъ лицъ, чтобы явственнѣе обрисовать характеръ народа, которому они принадлежатъ. Давъ такъ много данныхъ для этнографіи Дагестана,—авторъ постарался придать своему сочиненію интересъ романа. Его герои и героини снабжены достаточнымъ количествомъ ума и страстей, думаютъ и чувствуютъ по человѣчески. Такую заботливость объ интересахъ читателей и умѣнье сочинителя разсказывать—читатели вѣроятно сами замѣтятъ и оценятъ.

Аулъ Джунгутай пробуждался. Съ каждою и каждою минутою явственнѣе обрисовывались его каменные сакли, колючія заборы, мечети, башни, и кривыя улицы, ползущія по склону Арасской горы, во кругъ высокаго замка Мехтулинскаго Хана. Лай собакъ,—ночныхъ стражей горскихъ жителей,—смѣнился учащенными криками пѣтуховъ, щебетавшемъ птицъ. Востокъ зардѣлся — и съ высоты Минарета, звонко, протяжно, пронеслась надъ ауломъ — обычная гѣсь Муэдзина. Джунгутайцы услышали призывъ къ молитвѣ, — и во всѣхъ концахъ деревни послышался говоръ взрослыхъ и плачь дѣтей. Старики, моллы побрели въ мечеть, другіе взявъ верхнюю одежду—дома разостлали молитвенный коверъ. Лѣнницы, не утруждая себя молитвою, ушлись у пороговъ и лѣниво потягивались, зѣвая,—пускали табачный дымъ изъ маленькихъ, короткихъ трубокъ и смотрѣли, какъ выгнанный хозяевами изъ буйляника рогаый скотъ—тащился мыча въ поле. Семьянины, накинувъ нагольный тулупъ, припоясавъ кивчалъ и взявъ ружье — отправились по дѣламъ, на работу, межъ тѣмъ, какъ жены ихъ убрали комнаты, прикрикивая по временамъ на ребятишекъ, юлившихъ вокругъ матерей.

Когда взошло солнце, оно застало всѣхъ жителей Джунгутая на ногахъ и въ движеніи. Табунщикъ, хлопая кнутомъ, спѣшилъ за табуномъ, бѣгущимъ на волопои, а чабанъ, опершись на окованную желѣзомъ палку, съ ружьемъ за плечами, лѣниво глядѣлъ на стадо овецъ, разсыпавшихся по скату горы. Женщины взобрались на плоскія крыши домовъ, вывѣшивать на длинныхъ шестахъ кукурузу, чеснокъ, ковры и войлоки, между тѣмъ, какъ почетнѣйшіе изъ Джунгутайцевъ, съ флегматическимъ видомъ сѣли на порогѣ сакель, грѣясь на солнышкѣ, — съ нетерпѣніемъ поглядывали, скоро ли дойдетъ тѣнь до замѣчнаго ими мѣста,—знака времени сбора въ замокъ, и отдумывали, что сдѣлать въ этотъ день, что говорить предъ владѣтелемъ, чтобы заслужить его ласковое слово и пощеголять предъ собраніемъ старшинъ своимъ даромъ разлагольствовать (*).

(* Между народомъ необразованнымъ встрѣчаются часто люди одаренные замѣчательнымъ краснорѣчіемъ. Дагестанцы, въ своихъ *Медресе*, учились не болѣе какъ молитвамъ и разбирать коранъ — но многіе изъ

горами солнца, сдѣлались теплы, жгучи, въ аулѣ уже текла обычная, ежедневная жизнь, каждый занимался своимъ дѣломъ или бездѣльемъ, а на улицахъ прощались съ хозяевами, запоздалые прѣзжіе изъ сосѣднихъ деревень, кунаки благодарили за хлѣбъ, за соль и уѣзжали во свояси. Одинъ лишь изъ такихъ гостей, *Гассанъ*, не спѣшилъ отъѣздомъ. На живомъ конѣ онъ красовался предъ одною саклею, то горячилъ коня, то осаживалъ его, и поглядывалъ на плетень, изъ за котораго блестяли и смотрѣли на всадника черные глаза хорошенькой Фатмы.

«А, такъ вотъ за чѣмъ ты ѣдешь гостить къ намъ, вотъ куды ты мѣтишь!» проворчалъ сквозь зубы молодой горецъ Ибрагимъ, слѣдившій за каждымъ шагомъ всадника.

«Увидимъ, кто изъ насъ будетъ счастливей, кому достанется Фатма,» говорилъ онъ вооружаясь и сѣлая коня; и тою же улицею, мимо той же сакли прѣблгалъ Ибрагимъ, пускаясь въ погоню за счастливецомъ Гассаномъ, уже выѣхавшимъ изъ аула.

Межъ тѣмъ Гассанъ, возбудившій ревность Ибрагима, держалъ путь, съ товарищемъ своимъ, *Идрисомъ*, къ деревнѣ *Параулу*. Довольный собою и счастливый, онъ говорилъ о Фатмѣ, и не могъ наговориться.

Съ примѣтнымъ неудовольствіемъ слушалъ Идрисъ болтовню влюбленнаго и наконецъ прервалъ его:

—«Полно нести вздоръ, Гассанъ! Тебѣ ли молодцу таскаться за дѣвчонкою? На то ли тебѣ Богъ далъ силу, а отецъ доброе оружіе, славнаго коня, что бы джигитовать предъ ея домомъ и ждать, какъ милости, пока она откинетъ руйбанду и покажетъ свое румяное личико?»

нихъ сльнуть за искусныхъ пародныхъ вѣтій. Въ смутныхъ дѣлахъ своей родины они выступаютъ на сцену и играютъ важную роль, направляя своими рѣчами мысли народа по произволу, участвуютъ въ изложеніи и возведеніи какого нибудь члена изъ владѣтельной фамиліи, и рѣчи свои стараются подкрѣпить указаніемъ на извѣстное историческое лицо Дагестана, сдѣлавшее то-то, и то-то. Доморожденные эти Демосеены, со временемъ послѣднихъ побѣдъ Русскихъ въ горахъ пристарѣли и уменьшились, но нѣсколько дѣтъ тому назадъ на нихъ во всемъ Дагестанѣ былъ чрезвычайный урожай.

Пр. Ред.

крытый гробъ перенесенъ въ Вознесенскій Монастырь, гдѣ и поставленъ на приготовленный амвоинъ. Въ это время, стоявшія съ строю войска и артиллерія сдѣлали по три залпа.

Распоряженія о перевозѣ тѣла Царицы Маріи въ Грузію и объ устройствѣ погребальной церемоніи на самомъ мѣстѣ погребенія, въ Мцхетахъ (селеніи, бывшемъ въ древности столицею Грузіи, въ двадцати-двухъ верстахъ отъ Тифлиса), возлѣ супруга усопшей Царицы, описываются особымъ церемоніаломъ. (С. II.)

ТИФЛИСЪ.

Купцы, имѣющіе магазины въ Театральномъ зданіи Почетнаго гражданина Гавриила Тамашева, извѣщали тифлисскую публику въ 33 № Кавказа—о намѣреніи продавать свои товары по уступочнымъ цѣнамъ, въ продолженіи Оуминой недѣли. Теперь они сообщаютъ результаты этой продажи.

—«Почему же и не такъ?—Цѣлыя дни и ночи я ждалъ бы видѣть, слышать ея, быть подлѣ ней!..»

—«Опять, опять пошелъ ты, душа моя Гассанъ, рассказывать Арабскую сказку о царевнѣ и ея любовникѣ, сказку, которую рассказываетъ нашъ Параулскій сказочникъ Абдулъ. Не наскучила она тебѣ? А по моему забыть бы эту сказку, — да выбрать въ нашемъ аулѣ десятокъ удалцовъ, и тихомолкомъ выѣзжать съ ними на дорогу между Дербентомъ и Кизляромъ. Мало ли тамъ добра разнаго подвернется подъ руку. Купецъ Армянскій съ товарами, табунъ лошадей, брадьячій цыганки—все бери, все тащи домой, и не жалѣя легко добытаго, бросай девягами, дари конями, цыганками! Вотъ жизнь! И честь другая тебѣ будетъ: Бекъ наденетъ на тебя почетную чуху съ галунами, общество станетъ хвалить, сдѣлаетъ въ честь твою той (?), а красавицы сами станутъ показывать тебѣ свои лица. Такъ дѣлаю я, твои товарища и не дѣлаютъ лишь старики и Гассанъ.»

—«Не будь ты мнѣ давнишній товарищъ и братъ по оружію, не позволялъ бы я тебѣ вести такую обидную рѣчь. Что же ты съ товарищами своими—считаешь Гассана трусомъ? Развѣ не видѣли меня въ дѣлѣ? отставалъ ли я на шагъ отъ васъ?..»

—«Кто обвиняетъ тебя въ трусости?»

—«Такъ не мѣшай же мнѣ дѣлать, что хочу; тебѣ армянскіе выюки, мнѣ Фатма,—каждому свое.»

«Гассанъ, кардашъ, ты обезумѣлъ отъ своей страсти. Фатма нравится ему болѣе купеческихъ товаровъ! Что я за оселъ, что уговариваю еще его! Вай, вай! дѣвка лучше добычи! Что говоритъ этотъ человекъ? Теперь слова тебѣ не скажу объ этомъ дѣлѣ—рыскай хоть каждую ночь въ Джунгутай, даже постарайся потерять свою голову, гоняясь за ласковымъ взглядомъ милой, какъ это дѣлаетъ намъ молодой Султанъ Ахмедъ, безпрерывно ѣздя въ Хунзахъ... Кстати, не знаешь ли въ кого онъ тамъ влюбленъ?—Ты по этой части смыслишь меня. Насъ, своихъ нукеровъ, Султанъ прячетъ въ скрытое мѣсто, а самъ потихоньку отправляется въ какое то мѣстечко, побудетъ тамъ часъ, другой, возвращается, и мы къ совѣту скачемъ домой, а когда нибудь, шайтанъ похлопочетъ, и возвратимся оттуда безъ головъ или, пробраваясь ночью по узкимъ тропинкамъ провалимся въ пропасть, словно грѣшники посланные въ Джезиннѣмъ съ моста Аль-Сирата. Навѣрно эти ночные поѣзды не пройдутъ намъ даромъ!»

—«А ты, Идрисъ, еще не догадался въ кого влюбленъ Султанъ Ахмедъ? въ молодую Паху-Бике, дочь Омаръ-Хана и для нея то онъ ѣздитъ въ Хунзахъ.»

«Да развѣ мало съ него ѣздитъ туда съ нашею бикою!»

—«Ну, Идрисъ, теперь вижу, что въ головѣ твоей сидятъ постоянно выюки, а въ любви ты смыслишь меньше дервиша—не понимаешь, что поѣздки Ахмедъ Султана съ матерью Бикою, приписываются обстоятельству и дѣламъ, а скрытныя дѣлаются для любви. Хотя молодая Бике, по привычкѣ не можетъ видѣться съ нимъ, но вѣроятно, каждый разъ слышитъ отъ нянюшекъ и подругъ, что Султанъ прѣзжалъ взглянуть на ея домъ, а быть можетъ ему удастся и видѣть ее тайкомъ.» Такъ разговаривая путники ѣхали не замѣчая, что изъ Джунгутая несетъ за ними всад-

(*) Бакъ вечеръ.

Съ 1 по 7 число Мая было продано извѣстныхъ Русскихъ и Персидскихъ:

Шерстяныхъ — — — 1,598 руб. 90 коп. сер.

Шелковыхъ — — — 3,851 » 80 » »

Бумажныхъ — — — 915 » 60 » »

Галантерейныхъ — — — 1,743 » 50 » »

Всего, значить было выручено 8,109 р. 80 к. сер. По словамъ купцовъ, сумма эта довольно значительна, принимая въ соображеніе нечастную погоду, стоявшую постоянно во всю Оумину недѣлю, и то, что обыкновенно въ эту недѣлю торговля бываетъ самая незначительная.

Намъ пріятно видѣть водвореніе въ Тифлискій этого обычая Москвы, полезнаго для купцовъ, которымъ онъ помогаетъ сбыть съ рукъ залежавшіяся товары, и выгоднаго для небогатаго класса покупателей, приобретающихъ за скользя цѣну нужныя имъ вещи. Странно, что обыкновенно чисто русское, московское, вспомнили туземцы, Армяне,—и забыли Русскіе, Москвичи.—Ничего подобнаго не было на Оуминой недѣлѣ въ Закавказскомъ Первоначальномъ Дено,

никъ. У поворота дороги онъ налетѣлъ на нихъ и лошадей его ударила грулюя жеребца Гассана.»

—«Сумасшедшій! вскрикнулъ Гассанъ, развѣ тебѣ узка дорога, что сталкиваешь съ нея проѣзжихъ.»

—«Ты вздумалъ перебивать мнѣ дорогу, и я хочу проучить тебѣ!» возразилъ Ибрагимъ, остановивъ коня и хватаясь за кинжалъ: «ты повадишься ѣздить къ намъ изъ Пораула заглядывать въ Фатму, какъ будто безъ тебя и не найдется ей мужа въ цѣломъ Джунгутай, а забылъ, что я двоюродный ея братъ,—по праву адата: она моя и никому не уступлю ее, пока владѣю этимъ оружіемъ.»

—«По праву адата, я столько же имѣю на нее права, сколько и ты, она двоюродная сестра тебѣ по отцу, а мнѣ по матери: но я люблю Фатму больше жизни,—и она это знаетъ; породству ли, по любви ли, но одобряетъ мою страсть и я жду только согласія родителей, чтобы жениться на ней. Тебѣ же совѣтую не гоняться напрасно за Фатмою цѣла твою, а лучше искать другой невѣсты.»

«Хвастунъ! сказалъ Ибрагимъ, громко захохотавъ: тебѣ показалось, что она обращаетъ на тебя вниманіе, а сію минуту, когда я скакалъ мимо ея сакли, она привѣтствовала меня такъ вѣжливо, что если бы ты увидѣлъ, то лопнулъ бы съ досады.»

—Не смѣй оскорблять мою Фатму, въ бѣшенствѣ сказалъ поблѣднѣвшій Гассанъ, обжавивъ кинжалъ:—не заставляй меня пролить твою кровь, разорвать узы родства....

«Я готовъ на бой! отвѣчалъ Ибрагимъ, въ свою очередь обнажая кинжалъ и приближаясь къ Гассану.»

—«Стойте, два влюбленные осла! вскричалъ хладнокровный Идрисъ, становясь между соперниками. Я молчалъ, не вмѣшиваясь въ ваше дѣло, пока вы только спорили, но если уже дошло до кинжаловъ, то вы должны послушать моего совѣта,—я старше васъ лѣтами.»

—«Говори! что за совѣтъ ты намъ дашь.»

«Я хочу сказать, что будетъ очень глупо, если вы другъ друга зарѣжете посреди дороги. Еслибъ я былъ влюбленъ, то иначе бы распорядился поединкомъ.»

«А какъ бы ты распорядился? въ нетерпѣніи вскричалъ Гассанъ.»

—«Не лучше ли вамъ показать свое молодечество при обществѣ, пролить свою кровь у порога любимой вами Фатмы!»

—«Хорошо выдуманно! сказалъ Ибрагимъ:—я готовъ завтра же по утра явиться предъ саклею Фатмы и умереть у ея ногъ.»

«И я тоже не заставляю себя ждать, пусть будетъ чему должно быть! Спасибо, Идрисъ, за совѣтъ.»

Враги разстались. Ибрагимъ поворотилъ коня къ Джунгутую, а Параулцы поѣхали своею дорогою. Задумавшійся Гассанъ почти не слушалъ словъ Идриса, бравившаго съ усердіемъ всѣхъ женщинъ, доказывая, что самый тощій выюкъ, пріятнѣе самой жирной и красивой женщины.

II.

Джунгутай въ то время не былъ такимъ, какъ сдѣлался въ послѣдствіи при Генералѣ Маіорѣ Ахметѣ Ханѣ Аварскомъ, который, принимая своихъ Русскихъ друзей, построилъ домъ съ большими окнами, меблировалъ его и убралъ по европейски. Во время нашего разказа все было иначе, въ другомъ видѣ.

которое ни на олимпъ день не хотѣло измѣнить, извѣстный Тифлисскимъ жителямъ, характеръ своей торговли.

УЧРЕЖДЕНИЕ МАРИНСКОЙ МОНАШЕСКОЙ ПУСТЫНИ ВЪ ЗЕМЛѢ ЧЕРНОМОРСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

Въ предѣлахъ земли Черноморскихъ казаковъ, на уединенномъ Лебяжинскомъ полуостровѣ, существуетъ Войсковая Николаевская мужская монашеская пустынь. Она основана въ 1794 году, съ Высочайшаго соизволенія блаженной памяти, Государыни Императрицы Екатерины II, по благочестивому желанію Черноморскаго войска, во всѣ эпохи своего существованія, и у пороговъ Днѣпра, и у подножія Кавказа, отличавшагося глубокимъ усердіемъ къ Святой православной вѣрѣ.

Посреди мѣстечка, на возвышенности стоялъ замокъ, предковъ Генералъ Маіора Ахметъ-Хана, владѣтелей Мехтулинскихъ; въ мирное время онъ былъ жилищемъ, а во дни смуты и междоусобій служилъ крѣпостью. Все зданіе представляло большой правильной четверугольникъ; съ трехъ сторонъ возвышались двухъ этажные дома, а съ четвертой одно-этажное строеніе съ воротами по срединѣ, по сторонамъ которыхъ были устроены каральня, тюрьма и конюшня.

Снаружи зданіе имѣло одни амбразуры и бойницы, всѣ двери и окна были обращены на дворъ. Верхній этажъ праваго крыла этого дома—крѣпости, снабженный большимъ крыльцомъ—служилъ пріемною и кунацкою для хозяина на лѣво, тоже въ верхнемъ этажѣ, была пріемная Ханши, а въ строеніи, стоящемъ противъ воротъ, были спальни, дѣтскія и кладовыя; низъ его былъ занятъ кухнею, погребомъ и предоставленъ служителямъ.

Снаружи зданіе, построенное изъ камня и нежженого кирпича, имѣло довольно мрачный видъ, но внутри мастерицы Джунгутая постарались разрисовать его пестро и красиво разноцвѣтною глиною. Комнаты были убраны коврами, мягкими войлоками и подушками; во дворе всякого убранства было радуніе и привѣтливость хозяйки замка, гостепрѣимство которой было извѣстно во всемъ Дагестанѣ.

Въ описываемое мною время Владѣтелемъ Мехтулинскимъ былъ—Али Султанъ, котораго ласковое обращеніе съ подвластными, характеръ добрый и внимательность къ каждому, снискали ему имя отца народа. Два молодые сына его, Султанъ Ахметъ и Гассанъ Ханъ, тоже были весьма любимы, а жена, Кизтаманъ-Бике, изъ дому Аварскихъ Хановъ, своимъ знаніемъ духа того времени, ловкостью, рѣшительностію и часто мужествомъ долгое время играла важную роль во владѣніяхъ сѣверной части Дагестана, и за всѣмъ тѣмъ она не пренебрегала и занятіемъ, принадлежащимъ собственно ея полу. Раннимъ утромъ, она уже сидѣла въ своей гостиной, принимала дѣтей, давала по хозяйству приказанія служителямъ и распряжалась домашними дѣлами. Между тѣмъ собирались къ ней дяди Джунгутая для обычного поздравленія съ добрымъ утромъ, а дворецкіи безпрестанно приходилъ съ докладомъ о приходящихъ и уѣзжающихъ изъ кунацкой хозяйни. Но оставляя пока женскую половину, гдѣ занимаются разнымъ рукодѣліемъ и разказами о толгахъ, ясахъ (1), свадьбахъ—перейдемъ въ гостиную хозяйни, гдѣ Али Султанъ принималъ гостей, жителей разныхъ деревень и просителей. Первые явились на салахъ (2)—сыновья его съ еликалами (3) и нукерами, которые послѣ поклона стали въ комнаты по сторонамъ дверей, упираясь наружью; обращенныя дуломъ въ низъ. Потомъ Муллы, кунаки, родственники, Джанки (4), и почетные старики мѣстечка; сдѣлавъ обычный саламъ, они разсѣлись по старшинству лѣтъ, значенію и по указанію хозяйни. Молодые нукеры, слуги и просители, толкались, входили въ кунацкую, другіе въ передней, стоя и сидя, прислушива-

(1) Съездъ, плачь и трауръ, по случаю какого нибудь несчастія.

(2) Обычный поклонъ владѣтелю, при какомъ либо пріемѣ.

(3) Молодой братъ.

(4) Потомки владѣтелей, рожденные отъ жены пероу фамиліи.

Учрежденіе Николаевской мужской монашеской пустыни было потребностію и выраженіемъ религіознаго чувства Черноморскаго Войска, когда оно, возникнувъ изъ отжившей свой вѣкъ Запорожской сѣчи, состояло почти изъ однихъ неженатыхъ, безсемейныхъ казаковъ—боевыхъ *сѣромалъ*, призванныхъ въ то время «къ распространенію семейственнаго житія» Всемиловѣйшимъ словомъ (грамматою) Великой Императрицы.

Съ той поры протекло болѣе полу-вѣка: и благотворная воля Матери Царицы о *взысканіяхъ милостивѣйшимъ вниманіемъ, върныхъ Ея Величества казакахъ* (*) достигла конечнаго исполненія. Изъ бездомной боевой общины, *товариства*, Черноморское Войско преобразовалось въ гражданско-военное, семейное, общество. Утративъ безъ сожалѣнія «сѣромацкій»

(*) Слова грамматы 29-го Юня 1792 года.

лясь къ разговору въ комнатѣ, а иные на дворѣ или предъ воротами расположились на камняхъ и бревнахъ ожидая случая поклониться и сказать о своихъ нуждахъ владѣтелю; такимъ образомъ весь замокъ наполнился мужчинами, женщинами и дѣтьми, искавшими расположенія *Султана* и *Бике*, которыхъ одно ласковое слово обояряло и заставляло рассказывать о томъ съ гордостію во всѣхъ домахъ.

Али Султанъ, послѣ привѣтствія присутствующимъ и распроса о новостяхъ, о происшествіяхъ, умолкалъ, желая выслушать каждаго просителя. Тутъ начинались судъ и расправа. Эти публичные занятія Кавказскихъ владѣтелей приносили чрезвычайную пользу. Рѣшенія дѣлъ, разбираемыхъ публично, распространялись по всему краю, какъ законъ для народа, который не имѣя почти ни какихъ переписокъ по дѣламъ и мало документовъ, не могъ возобновлять тяжбы, тѣмъ болѣе, что люди безпокойные и вздорные, боясь найти много свидѣтелей, присутствовавшихъ при рѣшеніи ихъ дѣлъ, не рѣшались объявлять вторичныя претензіи.

Всѣ распоряженія, происшествія и новости, въ этаго публичнаго судилища распространялись во всѣ деревни, дома и уголки всего владѣнія—въ нѣсколько дней, даже, проникали и въ сосѣднія владѣнія; это обстоятельство часто служило къ утверженію славы владѣтеля, а иногда было причиною гибели, для того Хана, который, пренебрегая народныя права и святость закона, предками установленнаго, давалъ несправедливыя рѣшенія.

Въ мигу, въ которую я ввожу читателя въ приемную Мехтулинскаго владѣтеля, Али Султанъ говорилъ съ приближенными о различныхъ отношеніяхъ сосѣднихъ Хановъ, ихъ связяхъ и войнахъ. Каждый изъ значительныхъ его посѣтителей высказывалъ свою мысль, мнѣніе и совѣты; болѣе всѣхъ позволялъ себѣ разсуждать, родственникъ Али Султана, *Будай Бекъ*, который часто командовалъ войсками въ разныхъ походахъ и защищалъ границы Мехтулинскаго владѣнія, — человекъ старый и опытный. Занимъ *Джанке Шихъ Шабекъ*, среднихъ лѣтъ, смѣлый и гордый своими заслугами въ разныхъ случаяхъ. Потомъ главное духовное лицо, *Каді Магометъ*, съ бѣлою подстриженною бородою, въ нагольной шубѣ на плечахъ, и согбенные старостью, *Бекъ-Мирза* и *Али Бури*, которые считались почетнѣйшими жителями Джунгутая, будучи изъ пзвѣстной *Тухумъ* (*), имѣя связи, и вліаніе на народъ.

Первый сталъ держать рѣчь Будай Бекъ. «Помилости благоразумныхъ распоряженій нашего *Бека*,» (**) почтительно, сказалъ онъ, «родственныхъ и дружественныхъ связей съ сосѣдями, мы наслаждаемся спокойствіемъ; но ваша молодежь чрезъ это отстаетъ отъ воинскихъ занятій, отъ трудовъ и начинаеть портиться въ *толахъ* и разныхъ увеселеніяхъ. Его мнѣніе поддержалъ Джанке Шихма Бекъ. Это правда! сказалъ онъ: если мнѣ позволено было бы съ нашими охотниками пристать къ Аварскому войску Оммаръ Хана, при его отправленіи къ Джарцамъ и въ Грузію, то молодежи нѣкогда было бы думать объ увеселеніяхъ.

(*) Фамилія и родъ, происходящій отъ пзвѣстнаго предка.

(**) Дагестанцы, особенно сѣверной части, въ разговорахъ, часто называютъ владѣтелей *нашъ Бекъ*.

быть своихъ дѣдовъ, оно сохранило, между тѣмъ, какъ завѣтное наслѣдіе, ихъ теплое усердіе къ православной церкви. И это неугасшее старое казацкое чувство выразилось въ послѣдствіе въ общемъ народномъ желаніи, основать въ предѣлахъ войсковой земли женскую монашескую обитель для войсковыхъ обывательницъ.

Въ 1846 году, нѣкоторые изъ Черноморскихъ казачекъ, посвятившихъ себя иноческому житію, и разбѣянныхъ по разнымъ монастырямъ Малороссіи, навѣщая свою родину, стали высказывать искреннее сокрушеніе объ отсутствіи въ Войскѣ женской обители. Ихъ благочестивый, если позволено такъ выразиться, ропотъ, и сказанное религіозное народное желаніе, вызвали, Исправляющаго должность Наказнаго Войсковаго Атамана, Генераль-Лейтенанта, Григорія Антоновича Рашиля, на ходатайство объ учрежденіи, на Черноморьи, женской монашес-

— Али Султанъ, улыбаясь, обратился къ сыновьямъ и, чтобы утѣшить любителей пороха и *Чапала*, сказалъ: «Султанъ Ахмедъ ты соберешь всѣхъ конныхъ, а ты, Гасанъ Ханъ,—пѣшихъ, къ завтрашнему утру, предъ замкомъ, и сдѣлавъ Джигитовку, отправляйтесь съ ними на охоту; конные на долину, а пѣшіе въ горы и лѣса. Покорный поклонъ сыновей возвѣстилъ присутствующимъ быть готовымъ къ утру.

«А ты, Будай, продолжалъ Ханъ, будешь на охотѣ пѣшій или конный?»

«—Куда мнѣ, Ханъ, пускаться на охоту съ молодыми, у которыхъ кровь кипитъ: они меня бросятъ гдѣ нибудь, чтобы я не могъ видѣть ихъ ошибки въ распоряженіи. «Нѣтъ, Будай» перервалъ его съ застѣнчивостію Султанъ Ахмедъ, напротивъ, мы Васъ понесемъ на рукахъ, чтобы съ благодарностію воспользоваться Вашею опытностію и совѣтами..

—Благодарю, Султанъ Ахмедъ, за вниманіе! мы, старики, будемъ довольны когда въ этой комнатѣ прийдемся за охоту вокругъ вами присланной дичи.

Послѣ долгаго молчанія, *Магометъ Каді* поднялъ голову, какъ будто бы пробужденный отъ дремоты, и сказалъ что многіе жители отступаютъ отъ правила Шаріата и подъ разными предлогами уклоняются отъ порядка, предками установленнаго, касательно учащихся Молль въ мечетѣ. Въ Джунгутай издавна стекались изъ разныхъ мѣстъ Моллы, а состоятельные жители по очереди принимали ихъ къ себѣ въ домъ, обезпечивали въ потребностяхъ житейскихъ, а тѣ, благодаря за благодѣянія, съ рвеніемъ предавались ученію въ мечети и сдѣлавшись Эфендіями и Кадіями, прославляли, какъ домъ Хана, такъ и мечеть и гостепримство Джунгутая. Теперь, напротивъ, они являясь, проживаютъ нѣсколько дней и не выходя прежняго гостепримства, отправляются въ другія мѣста.

—Али Султанъ отвѣчалъ Кадію: «Я прикажу не отступать отъ Шаріата не только, если эти правила не производятъ большаго ропота народнаго, который часто охотѣе руководствуется правилами Адата. Я увѣренъ что вы, почтенный Кадій, не посовѣтуете мнѣ нарушать народныя права и производить ропотъ и не удовольствіе подвластныхъ; что же касается до учащихъ Молль, то я не въ правѣ приказать народу дѣлать благодѣянія, а я изъявлю свое желаніе и самъ въ числѣ прочихъ прикажу принимать Молль на мой счетъ въ одномъ изъ моихъ рабскихъ домовъ. При этихъ словахъ Хана старики, Бекъ Мирза и Алибури, сидѣвшіе въ молчаніи, обратились къ Кадію. «Скоитъ ли объ этомъ беспокоить нашего Султана и упрекать насъ будто мы убѣгаемъ отъ гостепримства, дѣло это подлежитъ разсмотрѣнію *Маслаатъ Джамаата* (совѣту общества), которое навѣрно не откажется отъ благодѣяній.»

—«Я увѣренъ, сказалъ имъ Али Султанъ что вы это устроите какъ нужно, а за это Кади вамъ позволитъ курить трубки.»

—Нуверь подалъ трубки Султану, а всѣ сидѣвшіе вынуть изъ кармана коротыя трубки, наполнили комнату дымомъ и невыносимымъ запахомъ лезгинскаго табака.—Между тѣмъ просители начали подходить къ дверямъ комнаты и по очередно изъясняли свои жалобы. Владѣтель выслушивалъ каждаго, спрашивалъ о нѣкоторыхъ мнѣніе присутствующихъ, и рѣшенія

кой общежительной пустыни, во имя Св. Маріи Магдалины: потому что это, драгоценное сердцамъ казаковъ, имя принадлежитъ Августѣйшей Супругѣ порфиророднаго Атамана всѣхъ казачьихъ войскъ, Ея Императорскому Высочеству Государынѣ Цесаревнѣ и Великой Княгинѣ Маріи Александровнѣ.

По начертаніямъ Генерала Рашиля, представленнымъ Г. Намѣстникомъ Кавказскимъ, Г. Военному Министру,—состоялось въ Военномъ Совѣтѣ положеніе объ учрежденіи въ Черноморскомъ Войскѣ монашеской пустыни, во имя Св. Маріи Магдалины, на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

а) Пустынь предназначается для лицъ женскаго пола, собственно войсковаго сословія.

б) Для устройства сей пустыни и вообще для ея довольствія, отвести въ Черноморіи пусто-порожнее принадлежащее Войску мѣсто, на р. Керпилахъ въ количествѣ 171 десят. и 35 десят.

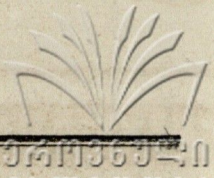
его тутъ же исполнялись или назначались нукера привести ихъ въ исполненіе.

Съ самаго начала селамъ неподвижно стоялъ у дверей, *мангушъ*, опираясь на большую палку, на которой ножикомъ дѣлалъ замѣтки. Вниманіе его было обращено на разговоръ. Когда судъ и расправа кончились, и приказали подать обѣдъ, то мангушъ, подошедъ къ Хану, звонкимъ голосомъ спросилъ: прикажите ли, Али Султанъ, вашу волю и приказанія сообщить обществу, а также обнародовать и частныя порученія жителей объ украденной лошади, убѣжавшей рабынѣ и потеряномъ пистолетѣ? Получивъ дозволеніе онъ взмошелъ на крышу дома и три раза протяжно закричалъ, *эй! Джамаат! слушайте, внимайте!* Потомъ сообщалъ громкимъ голосомъ всѣ тѣ распоряженія и рѣшенія, которыя относились до общества. Мангушъ съ помощью замѣтокъ, сдѣланныхъ на палкѣ, не забывалъ многочисленныя дневныя распоряженія, и продолжалъ кричать, пока дворецкій не объявилъ на кухнѣ о времени обѣда, о числѣ гостей сидящихъ и стоящихъ въ кунацкой, равно о нукерахъ и просителяхъ, находящихся въ передней. Тогда засуетились во всѣхъ комнатахъ, особенно на кухнѣ, гдѣ въ обыкновенные дни обѣдъ приготавлился не менѣе какъ на пятьдесятъ человекъ, иногда и болѣе; все это накладывалось на два *табии*; (огромный деревянный столъ съ маленькими ножками) одинъ подавался въ приемную хозяйину, а другой хозяйкѣ. На *табии* накладывали нѣсколько десятковъ *череконъ*, каждый аршина въ полтора, барана одного или двухъ, а въ большомъ сосудѣ *хинкаль*, приправленный уксу-сомъ и чеснокомъ. Приборы состояли изъ нѣсколькихъ деревянныхъ, довольно длинныхъ и тонкихъ палочекъ, которыми изъ сосуда доставали хинкаль; иногда подавался плодъ, но преимущественно блюда мясныя. Во время большихъ угощеній старались приготовить разные кушанья, которыя Дагестанцы видѣли въ разныхъ частяхъ Кавказа, во время набѣговъ или поѣздокъ по торговымъ дѣламъ.

Когда табии были готовы, одинъ изъ нукеровъ съ засученными рукавами, имѣя въ одной рукѣ кувшинъ въ другой тазъ, а за поясомъ пистолетъ, вошелъ въ комнату подать мыть руки, начиная съ хозяйина и оканчивая сидящимъ въ концѣ комнаты. За нимъ четыре нукера притащили въ комнату табии и поставили предъ хозяиномъ, который подалъ знакъ приближиться къ трапезѣ—и въ мигъ она была обступлена.

Пока уголяли голодъ старѣйшіе — остальные стояли въ прежнемъ порядкѣ, скрывая, что имъ страшно хочется ѣсть, и ждали своей очереди. Потомъ *табии* вынесли въ другую комнату, куда тотчасъ вышли сыновья и нукеры почетныхъ приближенныхъ Хана, и разбѣлись вокругъ того же стола, который перемѣлъ въ третью комнату, гдѣ всѣ нукеры послѣдняго разряда и слуги начали уничтожать кушанья, а что осталось вынесли на дворъ просителямъ и бѣднымъ, и раздавали каждому. Совершенно тотъ же порядокъ соблюдался въ гостини Бике. Такая иростая и патриархальная жизнь владѣтеля заставляла каждаго любить его, какъ отца, видѣть въ немъ свою голову, защитника и кормильца.

(Продолженіе будетъ).

подъ водами земли, съ выдачею пустыни на владѣніе сими угодьями плана и межевой книги.

в) Сооруженіе обители съ церковью и проч. попланамъ, какіе будутъ Высочайше утверждены, производится на счетъ добродѣтельныхъ приношеній и пожертвованій.

г) Въ пособіе на этотъ предметъ отъ войска, отдѣлить отъ войскового капитала 20 т. руб. серебромъ, которые внести въ одно изъ кредитныхъ учреждений. Проценты на этотъ капиталъ, въ теченіи 20 лѣтъ, предоставляются пустыни; по истеченіи же 20 лѣтъ, 20 т. руб. серебромъ обращаются въ Войсковыя суммы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекращается отпускъ пустыни процентовъ.—Въ расходованіи процентовъ Епархіальное Начальство сообщаетъ Войсковому Начальству ежегодно отчетъ.

д) Въ штатѣ обители должны состоять:

Число лицъ; имъ жалованья сер. въ годъ.

Одному Р. К. Всѣмъ Р. К.

Игуменья	1	48	48
Казначей	1	18	18
Монахиня	15	9	135
Священникъ	1	130	130
Діаконъ	1	86	86
Причтениковъ	2	20	40
Просвирня	1	13	13

Служителей изъ казаковъ внутренней службы, для присмотра и хозяйственныхъ занятій по обители 8

30 470

е) Исчисленные по штату 470 руб. серебромъ въ годъ, а также провіантское довольствіе служителямъ изъ казаковъ внутренней службы, производится со времени открытія обители изъ суммъ Черноморскаго казачьяго войска.

ж) На поддержаніе зданія обители и ризницы обращать исключительно кошелековыя и, отъ свѣчной продажи выручаемыя, деньги.

з) Пустыни предоставляется собственными средствами добывать для своего обихода, но отнюдь не для продажи, на ближайшихъ Войсковыхъ озерахъ до 300 пуд. соли, съ платою въ пользу Войска акциза, установленнаго стат. 422 Войскового положенія (прилож. къ 2448 ст. кн. 2 част. 1, Свод. воен. постановл. и продолж. 3).

и) Въ Иерархическомъ, церковномъ, хозяйственномъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, обитель состоитъ въ непосредственной зависимости отъ духовнаго вѣдомства, на общихъ правилахъ.

і) Жителямъ Войскового сословія дозволяется отдавать на воспитаніе въ обитель дѣтей женскаго пола, по взаимному соглашенію родителей съ внокинями. Въ послѣдствіи же, когда обитель получитъ прочное основаніе, предоставляется Начальству войти съ особымъ представленіемъ объ учрежденіи при ней женскаго пансіона.

Государь Императоръ Высочайше соизволилъ утвердить такое положеніе Военнаго Совѣта въ 11-й день Декабря 1848 года.

Въ слѣдующемъ 1849 году назначена въ Маріинскую пустынь настоятельница, Игуменія Митрофана, и совершено заложеніе обители на р. Керпильяхъ, между станицами Тимошевскою и Роговскою.

Благочестивая настоятельница начала святое дѣло учрежденія новой иноческой обители сооруженіемъ въ чертѣ оной деревяннаго, во имя Покрова Пресвятой Богородицы, храма, — который, при обильныхъ жертвованіяхъ отъ войсковыхъ жителей, въ полгода созданъ и украшенъ, и торжественно освященъ въ 9 день Апрѣля текущаго года. Это былъ день, съ котораго Маріинская обитель начала свое молит-

венное бытіе. И въ первый разъ огласилась пустынная степь благовѣстомъ колокола, и первая молитва обители была за Царя и Августѣйшій Домъ Его.

Не распространяясь объ участіи и усердіи, съ которыми казаки привѣтствовали возникновеніе Маріинской пустыни, мы должны сказать въ-сколько словъ о значеніи, какое между казачьими станицами получаетъ это религіозно-правственное учрежденіе.

Во первыхъ, въ этой, новоучрежденной средѣ станицъ, иноческой обители обрѣтутъ послѣднее земное утѣшеніе молитвы и христіанскаго вспоможенія старицы и вдовы, потерявшія мужей и сыновей на защитѣ отечественнаго рубежа, въ бояхъ съ хищными сосѣдями Войска, или же испытавшія другія невозвратныя утраты.

Во вторыхъ, при отсутствіи до настоящаго времени въ Войскѣ женскихъ учебныхъ заведеній, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, новоучрежденная обитель будетъ служить мѣстомъ гдѣ получать первыя начала образованія будущія жены казаковъ, подобно тому, какъ Николаевская мужская монашеская пустынь, въ первые годы своего учрежденія, — когда еще не существовало въ войскѣ, ни народныхъ, ни приходскихъ училищъ, — служила единственнымъ учебнымъ заведеніемъ для казачьяго юношества и потому была для войска первою исполнителницею священнаго велѣнія въ Божѣ почивающаго, благословеннаго Монарха: «да будетъ свѣтъ и въ хижинахъ.»

Въ третьихъ, наконецъ, обитель воздвигнутая на самомъ рубежѣ христіанскаго народонаселенія, между военными укрѣпленіями, — являетъ собою твердыню нашей православной вѣры, подлѣ стѣны которой прійдутъ со временемъ, враги Русскихъ, враги религіи Христа!

Утѣшительно и удивительно для каждаго Русскаго зрѣлице! Здѣсь кордонная казачья вышка, стерегущая недруга, тамъ, наяду съ нею, храмъ Божій, возносящій къ небу молит-

вы защитниковъ отечества. Въ вечернемъ мракѣ, по дремлющимъ берегамъ Кубани несется сливаясь въ одинъ, знакомый Русскому сердцу, голосъ — и военный кликъ, возбуждающій военную бдительность, и звонъ, призывающій къ молитвѣ. При лучахъ восходящаго солнца блестятъ — и винтовка сторожеваго казака, поднявшагося на вышку, и крестъ, — знаменіе побѣды, осѣняющій храмъ Того, о комъ низложенъ Русскимъ оружіемъ на поляхъ Непрядвы, предводитель Монгольскихъ ордъ, восклицалъ: «великъ Богъ Русскихъ!»

И. П.

г. Екатеринодаръ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Продавецъ Кахетинскихъ винъ, иностранецъ Лорделли пролаетъ дорожный ТАРАНТАСЪ, съ кожаными верхомъ, сумками, на желѣзныхъ осяхъ, за самую выгодную цѣну; желающій пріобрѣсти оный покукою можетъ во всякое время видѣть Тарантасъ у Каретныхъ дѣлъ мастера Гейна, которому и цѣна извѣстна

Подполковникъ, Князь Джамбакуріанъ Орбелиановъ утерялъ свидѣтельство, выданное ему изъ Грузино-Имеретинской (нынѣ Тифлисской) судебной Палаты 30 Мая 1842 года, о стоимости сада, состоящаго въ Тифлисскомъ уѣздѣ и участкѣ селенія Вашлавани.

Отставной унтеръ-офицеръ Сазонъ Маркинъ утерялъ увазъ объ отставкѣ, выданный ему изъ Подвижной Инвалидной № 87 роты, состоящей при Тифлисскомъ Военномъ Госпиталѣ.

Тифлисская Градская Полиція объявляя объ этомъ, покorno проситъ, если кто нашелъ означенные документы, то представилъ бы въ Полицію.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ ВЪ ТИФЛИСѢ, 1850 ГОДА.

Часы набл.	Термометръ Р°.		Сырость воздуха	Барометръ при 13 ¹ / ₂ ° Р. Русск. полудн.	Направленіе вѣтра.	Состояніе неба.	Наивысшая Темпер. Рео.
	Сухой.	Смоч.					
12-го Мая.							
7 утра.	+13,7	+10,9	0,67	568,11	С. З. оч. сл.	Ясно.	
12 полд.	+20,8	+14,9	0,48	568,86	Ю. слаб.	Обл. раз.	
4 попол.	+17,4	+14,3	0,68	568,59	Ю. З. слаб.	— — —	+ 10,4
9 веч.	+14,8	+12,8	0,77	568,96	Ю. З. оч. сл.	Пасм. и нагр. д.	
13-го Мая.							
7 утра.	+13,0	+12,2	0,90	568,37	Тихо	Пасм. и дождь.	
12 полд.	+16,9	+14,4	0,73	568,08	З. оч. сл.	Пасмурно.	
4 попол.	+17,5	+14,2	0,66	567,19	В. слаб.	Обл. раз.	+ 12,3
9 веч.	+13,4	+11,2	0,74	567,41	С. З. слаб.	Облачно.	
14-го Мая.							
7 утра.	+13,8	+11,6	0,75	567,67	С. В. сл.	Облачно на гор.	
12 полд.	+18,6	+13,9	0,55	567,41	С. ум.	Обл. раз.	
4 попол.	+16,8	+13,2	0,63	567,15	С. З. оч. сл.	Облачно.	+ 9,6
9 веч.	+14,8	+12,7	0,76	567,07	Тихо.	— — —	
15-го Мая.							
7 утра.	+13,3	+11,2	0,75	567,73	С.З. слаб.	Пасмурно.	
12 полд.	+17,9	+13,3	0,55	567,08	З. оч. слаб.	Обл. раз.	
4 попол.	+18,0	+13,8	0,58	567,01	С. слаб.	— — —	+ 10,8
6 веч.	+13,9	+11,8	0,76	567,74	Тихо.	Обл. на гор.	

12-го Мая въ 4¹/₂ ч. дождь и громъ, при сильномъ вѣтрѣ Ю. З.

13-го — въ 6 ч. дождь и радуга, Ю. З.

14-го — въ 1 ч. пополудни, громъ и накрапалъ дождь.

15-го — въ 2 ч. шелъ дождь.

Дождя выпало 0,405 русск. дюймъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.